

Матьяна
Алюшина

Читайте романы
Татьяны Алюшиной

Крымский роман
Влюбиться в жертву
Любовь со вкусом вишни
Девушка из нежной стали
Далекий мой, единственный
Девочка моя, или Одна кровь на двоих
Две половинки
Девушка с проблемами
Запутанные отношения
Свидание вслепую
Красота по-русски
Девушка-праздник
Дом, где исполняются мечты
Беглая невеста
С молитвой о тебе
Любовь без права на ошибку
Мой слишком близкий друг
Два шага до любви
Двое на краю света
Все лики любви
В огне аргентинского танго
Чудо купальской ночи
Больше, чем страсть
Моя нечаянная радость
Тот, кто назначен судьбой
Неправильная невеста
Утоли мои печали
Счастье любит тишину
Коллекция бывших мужей
Белоснежный роман
Сердце просит счастья
Руки моей не отпускай
Формула моей любви
Будьте моей семьей
Созданы друг для друга
Актриса на главную роль
Озерные страсти
Вальс до востребования
Судьба непринятой пройдет

Патьяна
Алюшина

Крымский
роман

Роман

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А59

Художественное оформление серии *Н. Каштыкиной*

Редактор серии *В. Горюнова*

*Ранее роман выходил под названием
«Сказка с видом на море» и «Время для награды».*

Алюшина, Татьяна Александровна.

А59 Крымский роман : роман / Татьяна Алюшина. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-157540-3

С Антоном Наталья встретила в Крыму, сам воздух которого, кажется, напоен любовью. Оба поняли, что то, что происходит между ними, – настоящее, то, от чего не отказываются. Но Антон прибыл сюда не просто так – у него сложное и опасное задание. Может ли он рисковать жизнью только что обретенной любимой? Как бы там ни было, Ната и сама способна принять решение.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алюшина Т., 2021

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-157540-3

*Посвящается моей бесконечно любимой
маме Нине Ильиничне, чье мужество,
терпение, умение отдавать любовь
и неиссякаемый оптимизм поражают
и вдохновляют меня всю жизнь*

Только поставив машину на платной стоянке и получив квитанцию, Наталья с удивлением обнаружила, что приехала намного раньше, чем рассчитывала, — до прибытия поезда оставалось еще целых сорок минут.

Ну, сорок так сорок! И хорошо, подумалось ей, передохнет от дороги, от руля, получит передачу и — к маме в больницу.

Это она от мыслей непростых и тревожных неосознанно всю дорогу держала приличную скорость, вот и долетела до Симферополя — и не заметила как.

Ну, еще бы не мысли и переживания! Куда от них денешься-то?!

«Ладно, ладно, — вздохнула она, успокаивая себя. — Самое страшное уже позади — операция для мамы прошла успешно, а это самое главное».

Ната отошла от шумного и суетливого вокзала по прилегающей к нему улочке, зашла в небольшое уютное кафе, устроилась за столиком у окна, заказала поспешившей подойти к ней милой молоденькой официантке капучино. Официантка отошла, а Ната посмотрела в окно, мимо которого в деловитой торопливости прошествовала девушка. Чемодан, который она везла за собой, отстукивал своими колесиками по брусчатке какую-то ве-

селую, бодрую мелодию о странствиях и радостных встречах в конце пути.

Ната улыбнулась, поймав себя на мысли, что немного завидует этой девушке, спешащей на поезд. Даже не завидует, а испытывает некую грусть и сожаление, которые иногда чувствуешь, когда кто-то близкий или знакомый уезжает далеко, весь уже переполненный дорогой, ожиданиями радостных встреч в конце пути, а ты остаешься...

Э-эх! Сейчас бы сесть в поезд — и домой!

Так хочется домой, порой просто непереносимо, до слез! Хотя бы на денек-другой! От всех переживаний и тревог последних непростых недель, от бурлящей переменами новой жизни, новой истории и восторженных ожиданий Крыма...

— Ваш кофе, — вернула ее в реальность официантка, поставив перед ней блюдце с чашкой капучино и мило улыбнувшись.

— Благодарю, — улыбнулась в ответ Наталья.

Она сделала глоток кофе, снова посмотрела в окно, вздохнула и усмехнулась: «Какой поезд? Ты смеешься? Все самолеты, самолеты... Когда ты последний раз на поезде-то ездила?» — скептически поинтересовалась она у себя.

И вдруг...

Словно окатило теплой, нежной волной, и мурашки побежали по позвоночнику и рукам, и зазвучала откуда-то музыка летнего отпускного счастья...

Ната осторожно поставила чашку на блюдце, возвращаясь в прошлое.

Воспоминания накрыли ярко, мощно, ослепив бликами солнечных зайчиков от морской волны того лета. Последний раз она ездила на поезде

именно тогда — одиннадцать лет назад. Одиннадцать!..

Почти одиннадцать — сейчас март, а тогда было лето.

«Одурающе пахло сиренью, ну просто одурающе...»

Этот запах сопровождает меня всю жизнь. В детстве это был аромат тайны, потому что мы прятались в огромных кустах сирени, когда играли в казаки-разбойники.

Сад, в котором проходило мое детство, был совершенно сказочным — огромный, заросший, запущенный сад позади старой купеческой усадьбы. Усадьбу с особым социальным рвением благополучно превратили во множество коммунальных квартир, но сад... Сад коммунальным сделать, видимо, не удалось.

Дети считали его своей вотчиной, своей тайной, полной неожиданностей и чудес. Там находились совершенно секретные, затерявшиеся в глубине сада места, о которых даже и не подозревали взрослые. Там располагался наш штаб. Там мы наслаждались отдохновением от контроля, нашей тайной, нашим прибежищем.

Господи! Что только мы не постигали в том саду! Это было абсолютное счастье свободы: никто — ну просто никто! — не знает, где ты, и только тебе решать, когда выйти из тайного штаба и выходить ли на призыв мамы. И что будет, если сделать вид, что не слышал, как тебя зовут? И вот еще чуть-чуть, ну еще минутку посижу — и выскочу победителем. Потому что я, только я решила, что пора выходить. И от этого я такая большая и значимая. Конечно, я то и дело получала наго-

ный и: «Сколько можно тебя звать!» Но все-таки только я да еще пара моих друзей знали про это тайное место. И совершенно неважно, что нас ругали, да и ругали вяло как-то — ведь главное: нашли и ребенка домой загнали!

Они и не догадывались, что сама, сама решила найтись!

А в саду все такое шуршащее, все сказочно, повзрослому важно — и большой секрет, и тайный сбор, и глобальные проблемы маленького возраста.

Ах! Как же это было прекрасно!

Лето, солнце, запущенный купеческий сад, огромный, как мир. Засыпанный землей фонтан, дорожки в никуда, а впереди — целое огромное лето, качели, старые сараи, велосипеды, важнейшие детские проблемы и запах сирени. Запах счастья — даже не счастья, а того, что гораздо, гораздо лучше — преддверия лета, беззаботности, солнца, свободы и тайны будущего.

Потом этот запах настиг меня в больнице, после операции.

Я никак не могла открыть глаза после наркоза, но мне отчего-то было так радостно, так легко. И совершенно непонятно, что ж такого замечательного в моем пробуждении?

Ведь вроде все очень больно и трудно, и невозможно двигаться — но тогда откуда это ощущение полного счастья? А когда открыла глаза — поняла: палата залита южным солнцем, светившим сквозь незашторенное окно, и все видимое пространство уставлено букетами с сиренью...

Это была царица всех сиреней — огромные темно-фиолетовые цветы и белые махровые вет-

ки. Они пахли так сказочно, так празднично, что затмевали мысли о боли, об операции. Наверно, даже о прошлом.

Это был запах детства, тайны, счастья, преддверия лета, перемен — всего самого лучшего в жизни.

Одурающе, просто одурающе пахло сиренью, и когда я расставалась с ним.

Мне казалось, что уж сирень-то меня никогда не подведет, это постоянная устойчивая величина, которая ассоциируется со счастьем, вернее — с преддверием счастья.

И вдруг!

Ну почему сирень, господи?! Все было так хорошо в моей жизни с этими цветами... так почему именно сирень? Неужели теперь всю мою жизнь она будет нести ощущение несчастья и потери всего: любви, мужчины, прошлой жизни, будущего?..

Ну, господи, боже мой! Почему именно сирень?!

Он знал, конечно, он знал, что больше всех цветов на свете я люблю сирень. Я миллион раз ему это говорила и рассказывала о детстве, о купеческом саде, о тайных местах, об ощущении будущего счастья...

В тот день, когда мы расстались, он принес мне сирень. Огромный букет крупной южной темно-фиолетовой сирени. Только теперь мне казалось, что она пахнет как на похоронах. Ну конечно — это ведь я ухожу от него, а не он меня выталкивает из своей жизни, всеми правдами и неправдами сделав мое существование совершенно неперено-

симым, потому что прогибаться дальше под него — это уже уровень половой тряпки.

Как трудно, как страшно принимать такое решение, когда ты на грани: либо — либо.

Да, да, конечно, все, что можно было выдержать, я выдержала.

Мы ведь, женщины, такие терпеливые, такие понимающие!

И трудности начального периода, и «квартплата пополам», и ужасы потери первых тяжело заработанных денег, и макароны день за днем, разве что не торты из макарон, потому что ни на что другое нет денег! И его сопли и пьянки от страха перед «завтра деньги отдавать», и болезни, и переломы, и дешевую колбасу, и одни всесезонные колготки...

А дальше — еще интересней. Первые победы и первый отдых в третьесортном отеле в Турции, и первая битая-перебитая десятилетняя машина, и ужасы съемной дешевой квартиры.

Мои бухгалтерские балансы и бессонные ночи ради спасения бизнеса — когда ты спишь, заглотив страх водкой, а я сижу всю ночь и рисую схемы, и считаю цифры, и наутро, одурев от кофе и сигарет, — нахожу!

Нахожу выход из тупикового, казалось бы, положения.

Первые надутые щеки — «я заработал!», и «я не могу платить тебе зарплату, ведь ты моя жена, и потом — свою зарплату ты проедаешь». Первая командировочная заграница и первый контракт, который я считаю и стыкую до зеленых чертей в глазах, пока ты спишь, отметив успех алкогольными возлияниями. Первый костюм от «Хьюго Босс» и мои уговоры его купить, а потом и надеть.

И твое: «Не могу с ними пить и общаться — они все такие крутые, а я чувствую себя кретином!» И мои долгие монологи — миллион слов о твоей неординарности, уме, выносливости, изворотливости, черт знает еще о чем, только бы поднять тебя с дивана! И твое победное: «Ты не представляешь, они как дети — стадо идиотов, я сделал их на раз-два!»

Первый срыв с «больших» денег — и неделя запоя, и снова мои бесконечные «ты самый...». И снова — раздувание щек, и первые личные вложения, и праздник с друзьями по этому поводу. Три дня: застолье — застолье — застолье! Это у тебя. А у меня посуда — плита — посуда. И утро четвертого дня: «Ну видишь, ты же самый-самый...»

Дефолт — и, конечно, твоя паника: все, все пропало!

Мои уговоры: ничего не пропало, осталось это, это, то и то...

Это поправим, от этого откажемся, затянем пояс, поживем у мамы, не будем снимать квартиру, поедим макароны.

И снова цифры по ночам, цифры, а утром: смотри, мы вылезем!

И вылезли, вылезли, и ничего не надо начинать сначала — там подтянули, здесь урезали; нет худа без добра — после дефолта многие конкуренты отпали.

И мы снова прорвались, да еще как!

Снова победа, и обороты, и экономия на всем, по большей части — на мне.

И вдруг твое: «Я крутой!»

Да, крутой, а я? А ты делай теперь так и так, нет — это плохо, делай лучше, лучше. Это уже не

так вкусно, это не вовремя, и вообще «прав всегда только я» — и так по нарастающей!

И ночи без сна у темного окна: «Что я не так сделала? Господи, ведь невозможно терпеть!» И все, нет сил, и выбор: либо лечь без боя и становиться ошметком при «начальнике всей твоей жизни», либо уходить.

И понимание: на самом деле выбора никакого и нет, да никогда и не было.

И конечно же: «Ты решай, но ничего не получишь — все мое!»

И букет сирени.

Господи! Но почему, почему сирень?!»

Сильно дернуло вагон, и Наталья выскочила из своих грустных мыслей.

«М-м-да, дорога. Задремала, и все это предательски сразу полезло в голову. Ну кого и в чем я обвиняю?! В любом случае это мое решение. Что вначале — жить с этим человеком, строить жизнь с ним, что в конце — расстаться, построив и оставив ему жизнь и бизнес. Я могу тысячу раз говорить себе, что он не виноват. Я могу тысячу раз обвинять себя и сомневаться в правильности решения. Я могу охрипнуть нутром и горлом, утверждая, что сама, сама виновата. Но я обвиняю его и не могу остановиться. Господи! Ну сколько можно ходить по кругу. Все понимая, оставаться там же, где и была?! И вообще — какого хрена сирень!..

А, собственно, откуда запах?»

Она повернулась лицом к купе.

На столике стоял букет сирени в обрезанной пластиковой бутылке из-под минеральной воды. Наталья занимала верхнюю полку, и здесь, навер-

ху, запах цветов чувствовался особенно сильно. Рядом с букетом сияла лучезарная улыбка девушки лет семнадцати.

— Здравствуйте, а мы ваши соседи, мы с мамой только что сели, в Туле. Давайте познакомимся. Я — Даша, а это моя мама — Устинья Васильевна, — она указала рукой на весьма полную даму в спортивном костюме веселой расцветочки, — мы до Джанкоя, к родственникам. А вы?

«Прелестно, сейчас в самый раз», — вяло подумала Наталья.

— Давайте чай пить, — предложила Устинья Васильевна, — четвертого попутчика у нас пока нет. А вы из Москвы едете?

«Как будто можно ехать откуда-нибудь еще — поезд московский, и первая остановка — Тула», — поворчала про себя мысленно Наталья.

— Да, — наконец соизволила ответить она.

И бочком, чтобы не задеть цветы, накрытый к чаю стол и новых пассажиров, начала сползать с верхней полки. Схватила сигареты, промямлив что-то типа «я сейчас», натянула пляжные шлепки, служащие в поезде тапками, и, непонятно почему смущаясь, выскочила из купе.

В тамбуре никого не было.

Прикурив, она обнаружила, что руки трясутся вместе с поджилками.

«Да что, собственно, такое?! Ну было, да времени-то сколько уже прошло. Сколько? Три года? Да, три, даже больше. Ну, и чего тебя проняло? Ты ведь умная. Про свою жизнь ты все уже поняла. Что это ты вдруг? Это просто поезд. Здесь как-то особенно ощущается одиночество: никто не провожает, никто не едет с тобой, никто не встретит — все сама. Ну и что? В первый раз, что ли?!

Надо было читать до опупения жизнерадостную Донцову, а не задремывать под стук колес».

Наталья уставилась в грязное оконце на пролетающий мимо пейзаж, не видя ничего, стараясь изгнать из сердца тоску и жалость к себе.

«Пойду пить чай с попутчицами! И все, все, хватит».

Затушив сигарету, она «очень решительно», как пишут в романах, взялась за ручку двери. В это же мгновение дверь дернули с другой стороны — не менее решительно, и она полетела вперед, как выпущенная торпеда. Что чувствует торпеда, Наталья не знала, но сама она почувствовала сильную боль, ударившись обо что-то твердое плечом и скулой.

«Что-то твердое» оказалось при ближайшем рассмотрении мужчиной. Мужчина был высок ростом, широк, зол и смотрел на нее с плохо скрываемой брезгливостью.

— Что вы на ногах не держитесь, девушка? Так и покалечиться можно!

— А что вы дверь рвете, как партизан в бункер к немцам?!

— Что?! — опешил мужик от такой отповеди.

— Ничего! Вы куда-то с боем прорываетесь, а тут девушки на дверях висят, — воинственно проворчала Ната.

Насчет девушки она, конечно, погорячилась маленько, но кто из женщин не думает о себе в диапазоне минус 10—15 лет? Да и какое это имеет значение, когда бог посылает ей маленький скандалец для бодрости духа и развеивания хандры...

В этот момент Наталья почти любила этого мужчину.

Мужчина, которого она «почти любила», был ошарашен и сдвигался в сторону, пытаясь ее пропустить. Гордо, нет — очень гордо! — задрал подбородок, она прошествовала мимо, испортив всю картину несения своего возмущенного величия тем, что зацепилась за коридорный коврик носком шлепанца.

«Ну вот и полегчало, спасибо тебе, дядечка», — хотя насчет «дядечки», как и насчет «девушки», она тоже несколько преувеличила. Толком рассмотреть божьего посланника ей не удалось, да и это было неважно, но на «дядечку» он явно не тянул.

Уже совсем в ином настроении Наталья вошла в купе.

Даша и ее мама пили чай. Настоящий чай, который наливали из заварного чайника — вот же чудеса непоездные! А на столе было разложено угощенье — тульские пряники, конфеты, пирожки и еще какая-то снедь, завернутая в промасленную бумагу.

— Вы садитесь с нами, мы подвинемся, — очень весело, звонким, каким-то девчачьим голосом пригласила Устинья Васильевна. Голос совсем не вязался с ее крупной, дородной фигурой, круглыми щечками и стрижкой «в кучери». — Вас как зовут? А то и не знаем, как обращаться.

— Наталья Александровна, можно Наталья.

Как-то вдруг очень захотелось чаю с пряниками в компании этой располагающей, открытой парочки. Наталья сходила за стаканом, и они уселись чаевничать. Устинья Васильевна с Дашей рассказывали о себе: куда едут, как живут, про родственников, которые будут их встречать, и что-то еще, еще... Она слушала, не слушая, улы-